

в аграрной сфере говорить было трудно. Только за 1904–1906 годы государственный долг вырос на 2 млрд руб. (или на 30%). Одновременно сохранялась угроза роста дефицита бюджета, и правительство всерьёз было озабочено поиском новых иностранных займов для его ликвидации в течение последующих лет. Извечную проблему бюджетного дефицита удалось ненадолго ликвидировать лишь в предвоенные годы. Это значит, что реформу в деревне как минимум в течение первых 4–5 лет правительству пришлось проводить в условиях катастрофической нехватки денежных средств.

Государственный бюджет для землеустройства одного «крепкого хозяина» предусматривал довольно скромную выплату, составлявшую 80–165 руб. ссудой и 20–80 руб. безвозмездным пособием в зависимости от дальности перенесения усадебной оседлости². Причём мизерное государственное субсидирование предусматривалось далеко не для каждого крестьянина, переходившего к единоличной форме землевладения. Только с октября 1908 года право получения ссуд и безвозвратных пособий из землеустроительного фонда было распространено на всех нуждающихся крестьян, независимо от получения ими поднадельных кредитов в Крестьянском банке³. Но число таких нуждающихся значительно превышало возможности государственного бюджета в области землеустроительных работ.

Какая помощь от государства ожидала крестьянина, пожелавшего «разорвать» окопы общины, наглядно демонстрируют примеры из Пензенской губернии. В 1910 году, когда землеустроительные работы достигли в губернии наибольшего размаха, ситуация с их ассигнованием осложнилась. Ещё в начале года Главное управление землеустройства и земледелия (далее — ГУЗиЗ) разослало губернаторам циркуляр, в котором в очередной раз посевало на недостаток денежных средств для оказания помощи будущим крестьянам-единоличникам. По землеустроительным планам ГУЗиЗ на 1910 год требовалось 9,2 млн руб. Однако в его распоряжение Министерство финансов предоставило только 3,4 млн руб. Данные обстоятельства вызвали у реформаторов необходимость более рационального подхода к распределению средств между губерниями. Губернаторам было предписано собрать по возможности точные сведения о числе домохозяйств, которым потребуется денежная помощь в 1910 году. Предварительные обследования уездных землеустроительных комиссий Пензенской губернии показали, что желание перейти к единоличному хозяйству имели 2470 дворов с общей суммой денежных выплат 248 тыс. 750 руб. Обработав данные, полученные из 46 гу-

берний, ГУЗиЗ 29 марта 1910 года издало циркуляр, в котором установило предельную сумму ассигнований для каждой из них. Пензенской губернии было отпущено лишь 105 тыс. руб.

Учитывая ограниченность финансовых средств, губернатор Е. Ф. Кошко был вынужден предписать уездным землеустроительным комиссиям использовать эту сумму «с наибольшей целесообразностью». При этом Кошко подчёркивал необходимость выдавать производительные ссуды и отказывать в предоставлении ссуд потребительского характера.

Ситуация осложнилась ещё и тем, что к тому времени, как в губернию были присланы первые ассигнования, число домохозяйств-выделенцев возросло с 2470 до 5351 (!). В итоге каждый из них мог рассчитывать на ничтожную ссуду в размере 19 руб. 69 коп.⁴. Разумеется, реформаторы и не считали нужным субсидировать каждого единоличника. Право на «денежное вспомоществование» получали хозяева, обустроившиеся на надельной земле и потому не получавшие кредита от Государственного банка. К июлю 1910 года таких крестьян в Пензенской губернии насчитывалось 2106. При распределении всех имеющихся средств между ними размер кредита увеличился бы с 19 руб. 69 коп. до 60 руб. 27 коп., что вполне хватало на приобретение инвентаря или семян, но никак не могло покрыть расходы на создание полноценного хутора или отруба.

Пензенская губернская землеустроительная комиссия ссуживала домохозяйствам по 100–150 руб., принимая, очевидно, во внимание тот факт, что равномерно распределённые средства между всеми нуждающимися никакой практической пользы не принесут. В одном из правительственных разъяснений подчёркивалось, что выдача мелких ссуд «совершенно не достигает своей цели, так как получаемые по мелочам деньги, заведомо недостаточные для покрытия необходимых затрат по улучшению хозяйства, обычно расходуются... на продовольственные нужды... ничего общего с улучшением хозяйства не имеющие»⁵. С подобными соображениями крестьяне не соглашались. Об этом свидетельствует множество жалоб на отказ в выдаче им ссуды, поданных в канцелярию Губернской землеустроительной комиссии⁶. Некоторые, совсем отчаявшиеся от нужды хозяева, писали письма П. А. Столыпину, спрашивая в них разрешения вернуться к общинному землепользованию, как, например, крестьяне из Виленской губернии. «Охота подписаться на согласие хуторов нашлась у многих хозяев на обещание и помощь казны, что казна даст дерева на постройку и денег рублей полтора, вот ввиду того, у кого ничего хорошего нет приобре-

тённым, и соглашается на помощь казны, лгсясь быть казной богатым»⁷.

О том, насколько была сильна потребность каждого хозяина-единоличника в регулярном субсидировании, свидетельствуют и другие данные. В 1911 году пензенская Губернская землеустроительная комиссия провела выборочное обследование вновь созданных хуторов и отрубов в Саранском уезде. Из 408 хозяйств только 1,96 процента были признаны «передовыми»; 25,49 процента инспекторы охарактеризовали «надёжными», а 11,77 процента — лишь «подающими надежду». Самой многочисленной оказалась категория «ненадёжных» хозяйств, составившая 31,62 процента⁸.

При всей условности подобной классификации можно отметить главное: значительное число хуторов и отрубов никак не подходило под определение «крепкого единоличного хозяйства» середняка, к появлению которого так стремился Столыпин. Только 38,24 процента могли быть признаны преуспевающими, а 3,68 процента — передовыми хозяйствами. Остальные нуждались в финансовой поддержке, часто не имея в достаточном количестве не только орудий труда, но и хозяйственных построек, рабочего скота...

Ситуация становится понятней при детальном исследовании самого процесса землеустройства. Разверстание общинных полос и сведение их в один участок (хутор или отруб) не всегда завершались успешно для выделявшегося из общины крестьянина. Сельский сход, даже высказывавшийся 2/3 голосов за разрешение «на выход» своего члена, часто оставлял единоличника без луговых, сенокосных угодий, а также земель, приобретённых ранее за счёт общих средств и находившихся в коллективном владении. В итоге большую часть денежных средств, полученных от государства на обустройство, «новый собственник» тратил в первую очередь на аренду или покупку новых земель. Интенсификация производства, создание классического фермерского хозяйства оставались в таком случае далеко за пределами крестьянских мечтаний.

ПРОЕКТЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ РЕФОРМЫ: БЫЛА ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА?

Дефицит денежных средств в землеустроительном фонде признавали и сами реформаторы — представители ГУЗиЗ. Подводя итоги своей деятельности за 1907–1912 годы, они отмечали, что «крупные, по своим абсолютным размерам, расходы на землеустройство относительно... невелики... средний расход на одну десятину при единоличном устройстве составляет 4 руб. ... Между тем в Пруссии расходуется в сред-